

68.188/1

Fachbibliothek
für Politikwissen-
schaft und
Demokratiebildung
Universität Regensburg

R

АКАДЕМИЯ НАУК
В РЕШЕНИЯХ ПОЛИТБЮРО
ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС

1922-1991

Редакционная коллегия:

академик Ю.С.Осипов (председатель),

академик Н.А.Платэ (заместитель председателя)

кандидат исторических наук К.М.Андерсон,

академик А.А.Гончар,

доктор исторических наук В.Д.Есаков,

член-корреспондент РАН В.П.Козлов,

А.В.Коротков,

академик В.Н.Кудрявцев,

доктор исторических наук Б.В.Левшин,

доктор исторических наук С.В.Мироненко,

академик Ю.А.Поляков,

член-корреспондент РАН А.Н.Сахаров,

Н.Г.Томилина,

академик А.А.Фурсенко

Москва
РОССПЭН
2000

АКАДЕМИЯ НАУК
В РЕШЕНИЯХ ПОЛИТБЮРО
ЦК РКП(б)-ВКП(б)

1922-1952

Составитель

В.Д.Есаков

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 63.3(2)6
А 38

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 99-06-87111

В подготовке сборника участвовали:
Е.С.Левина, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая

А 38 Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС.
1922–1991 / 1922–1952. Сост. В.Д.Есаков. М.: «Российская полити-
ческая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 591 с., илл.

Данное издание открывает публикацию Постановлений Политбюро ЦК за весь
период господства Коммунистической партии.

Первый том, подготовленный по материалам РГАСПИ и Архива Президента
РФ, представляет полный корпус документов, в который включены все Постанов-
ления Политбюро ЦК об Академии наук, ее членах и научных учреждениях за
весь сталинский период, а также исходные материалы, послужившие основой для
принятия решений.

ББК 63.3(2)6

© В.Д.Есаков, 2000.
© Институт российской истории РАН,
2000.
© «Российская политическая энцикли-
педия» (РОССПЭН), 2000.
© Документы — Архивы, предоставив-
шие материалы для данной публика-
ции, 2000.

ISBN 5-8243-0116-6
ISBN 5-8243-0117-4

Предисловие ответственного редактора

Развитие отечественной науки неразрывно связано с деятельностью Рос-
сийской Академии наук, отметившей в 1999 году свой 275-летний юбилей.
Наука в России с самого начала находилась под контролем государства, и
поэтому разработка ее истории без широкого использования государственных
архивов не могла увенчаться успехом. В послереволюционный период Акаде-
мия наук находилась в 1917–1925 гг. в ведении Народного комиссариата по
просвещению, в 1925–1930 гг. входила в число учреждений, подведомствен-
ных Совету Народных Комиссаров, а в 1930–1934 гг. была в ведении Коми-
тета по заведованию учеными и учебными учреждениями (Ученого комитета)
Центрального Исполнительного Комитета СССР. С 1934 г. Академия наук
перешла в непосредственное подчинение Совета народных комиссаров (с
1946 г. — Совета министров) СССР. Именно в названных советских учрежде-
ниях решались оперативные, организационные, планово-финансовые и другие
вопросы, затрагивавшие деятельность Академии наук. Решение же всех прин-
ципиальных вопросов, определявших ее место в структуре советского государ-
ства, важнейшие вопросы ее внутренней жизни и международные контакты
разрешались только после одобрения их Политбюро ЦК ВКП(б) — КПСС,
являвшимся высшим органом партийно-государственной власти в СССР.
Лишь с введением в научный оборот соответствующих материалов Политбюро
проблема «власть и наука» получает документальную основу для исчерпываю-
щего раскрытия, демонстрации политических механизмов воздействия тотали-
тарного государства на развитие науки.

Президиум Российской Академии наук и Федеральная архивная служба
России начинают издание всех касающихся Академии наук постановлений
Политбюро ЦК и материалов к ним. Настоящий том содержит документы, от-
носящиеся к периоду 1922–1952 гг., т.е. периоду, когда Политбюро возглав-
лял И.В.Сталин.

Документы и материалы настоящей публикации со всей достоверностью
свидетельствуют, что, хотя впервые вопрос об Академии наук и был вынесен
на заседание Политбюро уже в мае 1922 г., осознание политическим руковод-
ством страны значения Академии наук в хозяйственном и культурном стро-
ительстве, а главное — ее высокого авторитета и влияния в мире в период
начавшегося международного признания советского государства, произошло
позже, в 1925 г., в связи с 200-летним юбилеем Академии. С тех пор все прин-
ципиальные вопросы организации деятельности Академии наук — разработка
уставных положений, избрание ее руководства, проведение общих собраний и
сессий, определение внутренней структуры Академии, создание институтов,
определение кандидатур на академических выборах и т.д. — становятся пред-
метом пристального внимания Политбюро и его комиссий. Даже сам новый
устав Академии наук (1927) был принят с поправками, внесенными в него не-
посредственно на заседании Политбюро. Именно тогда в него был внесен
пункт о лишении академика звания, «если его деятельность направлена явным
образом во вред СССР». Оценка же этой деятельности негласно возлагалась
на контрольные и карательные органы государства.

Назначение И.В.Сталина в мае 1941 г. председателем Совнаркома СССР
внесло существенные корректировки в деятельность Политбюро. В результате

этого произошло явное перемещение власти в Совнарком, слияние партийного и государственного аппарата при некотором снижении активности Политбюро. В годы войны вся полнота власти сосредотачивалась в Государственном комитете обороны (ГКО), но с ее окончанием были приняты специальные постановления о размежевании сфер деятельности между Совмином и Политбюро, и оно весь послевоенный период активно функционировало как высший орган политico-идеологического руководства сталинской системы.

После окончания войны, с июля 1945 г., президент Академии наук СССР С.И.Вавилов — первым среди руководителей Академии — получает возможность вхождения в Политбюро с предложениями о различных сторонах академической деятельности и получения напрямую информации о принимающихся решениях. Но даже это не избавило Академию от жесткого контроля партийно-государственного аппарата, еще более усилившегося с началом холдинговой войны.

изданной в 1991 г. в серии «Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 гг.» является полной публикацией комплекса архивных документов, выявленных в центральных государственных архивохранилищах, и послужит основой для научной разработки истории Российской Академии наук.

Академик
Ю.С. Осипов

Документы Политбюро ЦК как источник по истории Академии наук

В условиях затянувшихся реформ в России, кризиса многих сторон общественной жизни, в том числе и развития отечественной науки, продолжается поиск новых форм организации общества.

Воссоздание Российской академии наук, поиск оптимальных, отвечающих современным условиям норм академической жизни и определение актуальных направлений академических исследований вызвали повышенный интерес как к истокам становления российской науки, так и к ее развитию и вкладу в прогресс человечества в XX в. Этот интерес особенно обострился в последнее время в связи с подготовкой к 275-летию основания Российской академии наук.

История Академии наук неотделима от истории отечественной науки и культуры, велик ее вклад в развитие российской экономики. От этапа к этапу менялись направления и характер работы Академии, расширялся круг исследовательских задач, рос ее научный потенциал. Российские ученые вносили все более возрастающий вклад в развитие отечественной и мировой научной мысли, виднейшие представители отечественной науки входили в состав действительных членов Академии наук во все времена ее истории.

При всей плодотворности деятельности научных учреждений РАН и ее сотрудников, их реального вклада в разработку практических всех отраслей знаний и передовой технологии, следует признать, что имеется область исследований, которая, к сожалению, разработана весьма слабо, это история самой Российской Академии наук.

В течение XX в. было предпринято несколько попыток разработки истории Академии наук. Так, остались незавершенными проект создания истории Академии к 1914 г. — к 25-летию президентства великого князя Константина Константиновича, результат деятельности в 1917—1920 гг. академической комиссии «Русская наука». В 1945 г. к 220-летию и в 1974 г. к 250-летию основания АН были подготовлены лишь краткие очерки ее истории. Попытка создания 3-х томной истории Академии наук была отмечена выходом в 1950-е гг. 2-х томов по дореволюционному периоду, а усилия по завершению 3-го, касающегося советского времени, оказались бесплодными. Причина тому идеологический диктат правящей партии, насаждение чрезмерной секретности и отсутствие доступа к архивным материалам. Эти обстоятельства наложили отпечаток и на характер изложения истории АН в двух вышедших томах.

Историко-научные исследования велись и ведутся главным образом специалистами по истории естествознания и техники. Ими активно занимаются философы и социологи. Но абсолютное большинство их работ посвящено лишь развитию специального знания, а также общетеоретическим и методологическим проблемам развития науки. В них до самого последнего времени практически обходились острые проблемы социальной истории науки, истории взаимоотношений науки и общества. Многочисленные статьи и монографии по отдельным проблемам истории отечественной науки и деятельности Академии наук отразили не столько объективный процесс развития науки в России, сколько выполняли социальный заказ государства и отражали потребности идеологического воспитания, прежде всего научной интеллигенции. Именно поэтому открывшиеся к 1990-му году возможности принципиально

новых подходов к изучению истории науки и ликвидации «белых пятен» привели лишь к трансформации историко-научных исследований и к появлению значительного количества работ, освещавших проблемы «репрессированной науки» и «русского зарубежья». Реализация же насущных потребностей изучения объективного процесса истории науки в России связана с необходимостью решительного поворота исследований на основе нового архивного материала. Богатейшие возможности вновь открытых архивов позволяют ввести в научный оборот новые источники, упоминание о которых еще несколько лет назад было под запретом¹.

Составителями настоящего издания предпринята попытка рассмотрения одного из важнейших комплексов документальных материалов, имеющих принципиальное значение для понимания положения науки в условиях советского государства, — протоколов Политбюро ЦК партии и отражения в них проблем развития и деятельности Академии наук.

Впервые вопрос об Академии наук был вынесен на рассмотрение Политбюро высшего органа правящей партии лишь 11 мая 1922 г.

Ко времени революции 1917 г. Академия наук была одним из самых признанных мировых центров развития научного творчества. В ее практической деятельности и в сознании ее членов ужеочно утвердились новые тенденции, которые в результате научной революции рубежа XIX—XX вв. требовали принципиально новых подходов к организации, развитию и оснащению научных исследований. Становилось все более очевидным, что для наиболее эффективного развития исследований необходима развернутая система государственных научно-исследовательских институтов. Одним из наиболее активных сторонников этой идеи и ее пропагандистов был академик В.И.Вернадский. Она начала осуществляться как в деятельности общественного Московского научного общества, так и в конкретных мероприятиях Академии наук, создавшей в 1917 г. (наряду с традиционно существовавшими музеями и лабораториями) первый академический институт — Кавказский историко-археологический институт и подготовившей проекты организации еще ряда исследовательских учреждений.

Реальное осуществление этих проектов было возможно только на основе широкого государственного финансирования, но ни царское, ни Временное правительство не имели такой возможности.

В результате падения самодержавия Академия наук получила широкую автономию для своей деятельности. Она утвердила свое новое наименование — Российская Академия наук, впервые самостоятельно избрала президента, которым стал академик А.П.Карпинский, разрабатывала новые проекты дальнейших исследований.

Отношение к Октябрьской революции было в Академии наук резко негативным. На Годичном общем собрании Российской Академии наук, состоявшемся 29 декабря 1917 г., было заявлено, что «темные, невежественные массы поддались обманчивому облазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на путь гибели». Вместе с тем было заявлено, что «работающие в Российской Академии наук... невзирая ни на что... работали, продолжают работать и будут работать для Родины и науки»².

До сих пор в литературе распространено представление, что при обсуждении вопросов сотрудничества Академии наук с органами советской власти основное внимание было уделено развитию отделов Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В действительности Академия наук заявляла о необходимости поддержки всех академических проектов, которые разрабатывались в ее специальных комитетах и комиссиях: Центральной сейсмической комиссии, Магнитной комиссии, Ломоносовском комитете, Комиссии по составлению диалектологических карт русского языка,

Комиссии по изданию академической библиотеки русских писателей, Комиссии по сборнику «Русская наука», Комиссии по изучению племенного состава населения России. В случае поддержки и дальнейшей организации работы по этим направлениям Академия шла на сотрудничество, ибо «Академия наук всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»³.

Отказавшись от ведения войны и финансирования регулярной армии, советская власть смогла весной 1918 г. выделить значительные средства на развитие науки и культуры. Это привело к организации сети научно-исследовательских институтов в системе Наркомата просвещения, в ведение которого входила и Академия наук, и в системе Научно-технического совета ВСНХ, созданного летом 1918 г. Главное внимание было обращено на развитие отраслевых отделов КЕПС, а другие направления академических работ, и прежде всего гуманитарные, практической поддержки не получили. Советская власть сама приступила к созданию нового обществоведения, организовав в мае 1918 г. Социалистическую академию общественных наук, переименованную в 1924 г. в Коммунистическую академию.

Разразившаяся вскоре гражданская война привела к прекращению намечавшегося финансирования. Тяжелейшие условия жизни ученых в годы гражданской войны широко освещены в исторической литературе, особенно в связи с созданием и деятельностью комиссии помощи ученым, организованной по инициативе А.М.Горького, которому в 1917 г. было возвращено звание почетного академика, и введением так называемых «совнаркомовских пайков» для ученых.

Положение Академии наук в системе Наркомпроса стало еще более сложным, чем было под ведомством дореволюционного Министерства народного просвещения, т.к. Научный отдел Наркомпроса, сыгравший в первое время своего существования определенную положительную роль в мобилизации научных сил страны, приступил к разработке проектов кардинальной реорганизации Академии. Его действия привели к тому, что непременный секретарь РАН академик С.Ф.Ольденбург в августе 1919 г. писал академику П.П.Лазареву, единственному в то время академику, жившему и работавшему в Москве: «На Академию из Москвы, говорят, надвигается черная туча: Артемьев и Тер-Оганезов имеют какие-то планы полного уничтожения в простом декретном порядке. Науку, конечно, никто и ничто не уничтожит, пока жив будет хоть один человек, но расстроить легко. Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот человек умный и поймет, что уничтожение Академии опозорит любую власть. Мы здесь заняты разными проектами реорганизаций для спасения дела, но упорно встает вопрос топлива, и смерть косит»⁴.

Трагичность положения Академии усугублялась тем обстоятельством, что она, изначально находившаяся в прямом контакте с верховной властью, после переезда правительства в марте 1918 г. в Москву оказалась в бюрократическом подчинении у областных, по существу, органов руководства наукой в Петрограде, а из примеров реальной помощи, оказанной правительством Академии наук за первые пять лет существования новой власти, вице-президент РАН академик В.А.Стеклов смог назвать в докладе, публикующемся в приложении к документу № 1 настоящего сборника, лишь помочь в получении некоторого количества топлива и только в 1920 г.

Несмотря на переживаемые трудности, Академия наук сохранила свою организационную структуру, принципы комплектования и направления исследований. Она отвечала и на запросы времени, принимая участие в ряде актуальных научных проектов, а ее действительные члены даже возглавили ряд вновь

созданных государственных исследовательских институтов. В условиях революционного слома старой государственной машины и создания новых органов власти и управления, выработки новых форм организации государственной и общественной жизни Российской Академия наук была, пожалуй, единственным учреждением, сохранившим свою традиционную организацию. Практически ежегодно проходили академические выборы, не прекращавшиеся даже в период гражданской войны. В 1918—1925 гг. в Академию были избраны 23 новых действительных члена, среди которых следует отметить А.Е.Ферсмана и В.Л.Комарова, сыгравших огромную роль в организации и развитии науки в советское время, А.В.Иоффе, закономерно считающегося основоположником в создании коллективов отечественных ученых-физиков, С.Ф.Платонова, являвшегося одним из руководителей академической исторической науки.

В 1918 г. была продолжена и традиция избрания иностранных членов Академии наук. Ими стали норвежский математик К.Ф.М.Стермер, французский востоковед С.Леви и бельгийский историк А.Перенн. Затем в течение 3-х лет в связи с гражданской войной и интервенцией иностранные члены не избирались. Выборы возобновились в 1922 г., когда иностранными членами стали математики Ж.-С.Адамар (Франция), Д.Гильберт (Германия), физики Э.Резерфорд (Великобритания), А.Эйнштейн (Германия) и востоковед П.Пеллио (Франция). Восстановленные в 1922 г. выборы иностранных членов проводились ежегодно до 1934 г., в результате чего в состав Российской академии были включены крупнейшие представители мировой науки.

С образованием в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик вопросы организации науки и культуры были отнесены к ведению союзных республик, а Академия наук продолжала оставаться учреждением, подведомственным Наркомату просвещения РСФСР. В условиях политизации всех сторон жизни советского общества и усилившегося партийного влияния на государство прямое взаимодействие с правительством могло получить нормальное развитие только после одобрения этих контактов со стороны руководящих органов правящей партии, и прежде всего ее верховного органа Политбюро ЦК.

Политбюро ЦК было создано в марте 1919 г. как постоянный орган, являвшийся исполнительной инстанцией Центрального Комитета, избиралось для ведения политической работы и было подотчетно ЦК. Фактически же Политбюро стало высшим органом власти в СССР. Чрезвычайно важным моментом функционирования и деятельности Политбюро явилось состоявшееся в апреле 1922 г. решение Пленума ЦК РКП(б), избранного XI съездом партии, об утверждении нового состава Политбюро. В него вошли членами Ленин, Каменев, Зиновьев, Сталин, Троцкий и кандидатами в члены — Калинин, Бухарин, Молотов. Практически весь комплекс вопросов по организации работы ПБ и круга его деятельности определял генеральный секретарь, которым утвержден Сталин. Именно в период существования этого состава Политбюро на его заседание и был впервые вынесен вопрос об Академии наук. Инициатива постановки вопроса принадлежала председателю Моссовета Л.Б.Каменеву, который, ознакомившись с докладом вице-президента Российской Академии наук академика В.А.Стеклова «Современное состояние научного дела Российской академии наук», направил его Сталину для ознакомления других членов ПБ и постановки поднятых в ней вопросов на обсуждение. Политбюро, рассмотрев 11 мая вопрос «Об Академии Наук и Публичной Библиотеке», поручило заместителю председателя Совнаркома А.И.Рыкову обеспечить существование Академии наук «хотя бы в минимальной степени». Благодаря этому докладу, члены ПБ впервые реально получили возможность познакомиться с тем, в каком состоянии находится имевшая всемирную славу Российской Академия. Тем не менее, в постановляющей части принятого решения главное внимание уделялось не обеспечению научных исследований, а

выражалось стремление поддержать в ней «низшие просветительные ячейки». Политическое руководство страны еще не отдавало себе отчета в значимости доставшегося ей в наследство научного учреждения России. Вместе с тем, сам факт постановки вопроса об Академии наук привел к тому, что уже в июле 1922 г. Академии были отпущены средства на нужды издательства, на перевозку книг и Геологического музея, на расходы по обмену книг с заграницей.

Косвенным последствием первого обсуждения вопроса об Академии наук в Политбюро явилось создание в июне 1922 г. Особого временного комитета науки под председательством А.И.Рыкова. От правительственные учреждений в него вошли М.К.Владимиров, Ф.Э.Дзержинский, Л.Б.Красин и М.Н.Покровский, от Академии наук — академики В.А.Стеклов, П.П.Лазарев и А.Е.Ферсман. ОВКН просуществовал до июля 1924 г., но деятельность его практического успеха не имела⁵. Создание и деятельность ОВКН были одной из причин, почему в следующий раз вопрос об Академии в ЦК был поставлен на Политбюро только через три года.

Осознанию высокого авторитета Российской Академии в мире и значения ее в хозяйственном и культурном строительстве в стране способствовала подготовка проведения в 1925 г. 200-летнего юбилея Академии. С этого времени все принципиальные вопросы организации ее деятельности — разработка уставных положений, определение структуры и руководства, создание научных учреждений, обсуждение кандидатур на академических выборах — становятся предметом внимания Политбюро и его комиссий.

Приздание юбилею общесоюзного значения было вызвано не только возраставшим влиянием Академии наук и настойчивости ее руководства, но и неожиданно возникшей внутриполитической ситуацией. В соответствии с декларацией и договором об образовании СССР, принятым 30 декабря 1922 г., руководящий орган союзного образования Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР проводил выездные сессии в столицах вошедших в него республик. Весной 1925 г. 3-я сессия ЦИК проходила в Тифлисе (Тбилиси). Выступая на этой сессии, председатель СНК СССР А.И.Рыков проинформировал членов партийной фракции ЦИК о планировавшемся переименовании Российской Академии наук во Всесоюзную и предложил обменяться мнениями по этому вопросу. Неожиданно со стороны членов ЦИК — представителей союзных республик возникли возражения против этого переименования и последовали предложения о разделе богатейших собраний, созданных в течение 200 лет музеями и библиотекой Академии наук. Дело дошло даже до специального голосования на фракции РКП(б) сессии ЦИК по этому вопросу.

Принципиальное решение Политбюро ЦК РКП(б) «О переименовании Академии наук во Всесоюзную» состоялось 8 июля 1925 г. (док. № 5). Это привело к передаче АН из ведения Наркомпроса РСФСР в непосредственное подчинение СНК СССР. Для руководства общесоюзными учреждениями при Управлении делами СНК СССР было создано Управление научными учреждениями, в которое входили, кроме Академии наук, Институт прикладной ботаники и новых культур во главе с Н.И.Вавиловым — головной институт будущей ВАСХНИЛ, Монголо-Тибетская экспедиция под руководством П.К.Козлова и Особое техническое бюро (Остехбюро).

Юбилей Академии наук стал и поводом для усиления партийно-правительственного воздействия на направления академической деятельности и наблюдения за ее работой (док. № 12). Под руководством комиссии ЦК были осуществлены разработка Устава Академии наук, принципы составления которого детально изложены в докладной записке А.И.Рыкова в Политбюро (док. № 21), и проведены в соответствии с ним первые советские выборы.

Принципиальное отличие выборов в Академию наук по новому Уставу 1927 г. состояло в массовом выдвижении научными учреждениями страны

кандидатур в действительные члены, специальном решении Политбюро с утверждением наиболее приемлемых кандидатур (док. № 25), избрании в состав АН коммунистов, в работе специальных отборочных комиссий с участием представителей союзных республик⁶. На заключительном этапе выборной кампании произошла, как тогда говорили, «неувязка», в результате которой трое коммунистов — философ А.М.Деборин, историк Н.М.Лукин и литератор В.М.Фриче не были избраны. Это привело к решительной критике Академии. Итоги голосования были в значительной степени неожиданными и для самих академиков. Научной же общественностью неакадемических учреждений и прессой результаты были оценены как политическая демонстрация реакционной части АН, как нежелание сотрудничать с органами советской власти. Президиум АН СССР обратился в правительство с просьбой разрешить проведение повторных выборов без процедуры выдвижения. Предложение Академии наук было принято правительством после соответствующих решений Политбюро от 21 и 24 января 1929 г. (см. док. № 28 и 29).

В определении путей дальнейшего развития Академии наук и ее реорганизации основную роль сыграла позиция фракции академиков-коммунистов. О ее принципиальном решении неоднократно писалось в литературе. В нем говорилось: «С точки зрения длительной перспективы необходимо держать курс на единое научное учреждение, охватывающее на основе единого научного метода различного рода дисциплины, и подтягивать к себе организационно различные научно-исследовательские институты, лаборатории, музеи, научные общества и т.д. и т.п.»⁷ Документы Архива Президента РФ показывают, что основой для принятия этого решения фракции коммунистов-академиков послужила записка академика Н.И.Бухарина «Оrientировка в вопросах Академии наук для нас самих» (док. № 30).

Принимая предложение фракции академиков-коммунистов, Политбюро специально оговаривало условие «не развертывать на данной стадии организации гуманитарных институтов» (док. № 35).

Резкий поворот в отношении к Академии наук произошел в октябре 1929 г., когда комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции во главе с Ю.П.Фигатнером, проверявшая деятельность Академии наук, обнаружила в архиве и библиотеке АН актуальные политические документы — подлинники отречений Николая II и Михаила, материалы Департамента полиции и т.п. Постановления Политбюро и материалы к ним позволяют проследить складывание и ход «академического дела» (док. № 39—41).

В результате последовавшей реорганизации Академии был не только снят непременный секретарь Академии академик С.Ф.Ольденбург, арестованы и осуждены академики С.Ф.Платонов, Н.П.Лихачев, М.К.Любавский, Е.В.Тарле и др., но и был нанесен ущерб всему развитию гуманитарного знания. Только что избранный академиком и утвержденный вице-президентом АН СССР коммунист Г.М.Кржижановский в декабре 1929 г. предлагал в решение Политбюро ЦК по вопросу Академии наук включить и следующий пункт: «Считать целесообразным провести постепенную ликвидацию 2-го отделения Академии наук (отделения гуманитарных наук) путем: а) незамещения вперед освобождающихся за смертью академиков вакансий; б) организационного слияния с другими научными организациями тех учреждений этого отделения, которые за смертью академиков лишаются руководства, и, наконец, немедленной ликвидации в порядке реорганизации структуры и научной работы академии тех его учреждений, которые вообще не представляют собой значительной научной ценности». Хотя данный проект и не был официально оформлен, но в практической деятельности партийно-государственный аппарат в отношении Академии руководствовался подобными принципами. Вакансии и учреждения ликвидировались не только со смертью, но и с арестом академи-

ков. А перевод Академии наук в Москву, слияние ее с Комакадемией (№ 181), выход «Краткого курса истории ВКП(б)», избрание в состав академиков с 1939 г. А.Я.Вышинского, М.Б.Митина и им подобных (№ 241—243) завершили разгром многих направлений гуманитарного знания, которыми была так сильна российская академическая наука.

В марте 1930 г. произошло еще одно изменение в ведомственном подчинении Академии наук. Управление научными учреждениями СНК СССР было ликвидировано и АН передана в Комитет по заведованию учеными и учебными заведениями (Ученый комитет) при ЦИК СССР. Этот государственный орган был создан в 1926 г. для объединения и поддержки научных и учебных учреждений, разрабатывающих проблемы марксистского обществоведения. В него входили Комакадемия, Институт К.Маркса и Ф.Энгельса, Музей революции СССР, коммунистические университеты и другие учреждения. Этот перевод Академии явился результатом принятия в 1930 г. нового, более жесткого Устава АН СССР⁸. На Политбюро этот устав не обсуждался.

Пребывание Академии наук в ведении ЦИК — формально высшего органа государственной власти СССР — привело к тому, что в материалах Политбюро не получили отражение такие важные события в жизни Академии, как создание новых научных учреждений, введение аспирантуры — новой формы подготовки научных кадров, организация академических филиалов и баз в различных регионах страны и т.д. Вместе с тем, это не избавило ее от контроля со стороны партийных органов. В системе Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) создается сектор научно-исследовательских учреждений, в задачу которого входит и информирование высшего политического руководства страны о положении в области науки. 2 июня 1933 г. заведующий Культпропом ЦК А.Стецкий и заведующий сектором научных учреждений Ф.Горожанов направили секретарям ЦК ВКП(б) тов. Сталину и тов. Кагановичу записку «О работе Академии наук». В ней были затронуты «огромные сдвиги по многим важнейшим сторонам» жизни Академии наук за последние три года и особое внимание уделено основным изменениям в составе и подготовке кадров в Академии, развертыванию научных учреждений и работ в Академии наук, настроениям среди академиков и ученых специалистов, работе Президиума АН СССР и его коммунистической части, а также работе фракции ВКП(б) Академии наук.

В этой докладной записке признавалось, что только в последнее время стало уделяться «известное внимание на развитие физического и химического институтов, которые до сих пор были и остаются еще самыми слабыми в Академии. Физический институт в отношении экспериментальной базы страшно отстал. Химическая ассоциация состоит из 7 обособленных лабораторий отдельных академиков, в большинстве буквально с нищенским оборудованием, и для того, чтобы решить научную проблему, квалифицированные силы больше времени уделяют на самую рядовую работу по созданию всякого рода вспомогательных материалов, чем на самую экспериментальную работу. По существу получилось так, что руководство академии долгое время шло за академиками, замкнувшимися в своих устарелых лабораториях и не желающих ставить дело указанных теоретических институтов на потребную нам научную высоту».

В то же время организуются новые институты и лаборатории, вроде энергетического в Ленинграде, чрезвычайно ценного по своим задачам, но вынужденного жить долгое время без всякой экспериментальной базы, или недавно созданной лаборатории генетики⁹.

В отношении настроений авторы записки констатировали, что «в Академии Наук по ряду научных участков и среди отдельных групп академиков и

до сих пор мы встречаемся с более или менее открытыми политическими настроениями, направленными против нас»¹⁰.

Утвержденный в результате «академического дела» и чистки кадров новый состав Президиума АН СССР неправлялся с задачами организационно-политического овладения и руководства Академией. «В работе президиума, — говорилось в записке А.Стецкого и Ф.Горохова, — из 3 коммунистов (Марр, Кржижановский — вице-президенты, Волгин — непременный секретарь) более или менее постоянно работает Волгин, да и то он половину времени живет не в Ленинграде, по месту работы, а в Москве. Тов. Кржижановский мало работает в президиуме Академии и в Ленинграде не бывает иногда по месяцам. В этом отношении коммунистическое влияние, идущее по линии руководящего учреждения Академии, совершенно недостаточно»¹¹. В отношении коммунистов-академиков, которых было 16 из 93 действительных членов АН СССР, отмечалось: «Большинство академиков-коммунистов в академии бывают только по случаю официальных собраний, сессий, органического вхождения и, следовательно, интереса к жизни академии не проявляют, с академическим беспартийным миром никак не связаны, что в огромной степени ослабляет наши позиции в академии»¹².

В ведении Ученого комитета ЦИК СССР Академия наук пробыла недолго. Постановлением Политбюро от 25 ноября 1933 г. (№ 100) она была переведена в непосредственное подчинение Совнаркома СССР. Это привело к принятию решения о переводе Академии наук из Ленинграда в Москву (№ 103), которое соответствовало тенденции к жесточайшей централизации, осуществлявшейся сталинским руководством во всех сферах государственной, политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Названное решение написано рукой В.М.Молотова, но резкость формулировки и оформление его не как постановления правительства, а как директивы ЦК партии, выдают И.В.Сталина как инициатора перевода Академии наук в Москву. Приведенные документы (№ 104, 107, 118, 162) показывают, что перевод не был подготовлен ни Президиум АН СССР, которому поручалось в 10-дневный срок разработать план этого перевода и нового строительства в Москве, ни Моссовет, которому закрытым протокольным постановлением Политбюро предписывалось в те же сроки представить план размещения учреждений Академии в столице, не могли осуществить разработку требуемых мероприятий оперативно. Тогда по поручению Сталина Л.М.Каганович и В.В.Куйбышев представили не план строительства, а вскоре составленный план размещения в Москве учреждений и институтов Академии за счет использования зданий, более или менее подходящих для этой цели¹³.

Перевод в Москву на долгие годы усложнил деятельность многих академических учреждений. Показателем сложности академической жизни в Москве является записка Ю.А.Жданова, направленная Сталину 19 декабря 1952 г. Жданов писал: «После переезда Академии наук СССР из Ленинграда в Москву в 1935 году она продолжительное время испытывает серьезные трудности из-за нехватки помещений для нормальной работы ее институтов и лабораторий. Большинство научных учреждений Академии находятся в случайных зданиях, мало или вовсе не приспособленных для научной работы.

В институтах географии, океанологии, мерзлотоведения на каждого сотрудника приходится лишь по два квадратных метра площади. В гуманитарных институтах Академии научные сотрудники, как правило, не имеют своих рабочих мест. Ряд институтов Академии (Институт леса, Институт машиноведения) размещен в зданиях, разбросанных в разных концах Москвы. <...> Академия наук лишена возможности организовывать новые институты, потребность в которых очевидна (Институт электроники, Институт белка, Институт минералогии и геохимии, Институт американских проблем). <...>

Ввиду того, что трудности с помещением стали серьезным тормозом в развертывании научных работ академии, Отдел естественных и технических наук и высших учебных заведений ЦК КПСС вносит предложение построить для Академии наук СССР комплекс зданий в юго-западном районе столицы, предусмотрев сооружение высотного дома для Президиума Академии и гуманитарных институтов и группы зданий для естественно-научных учреждений, в первую очередь для Института акустики, Института электроники, Института геологии, Института высшей нервной деятельности, Института микробиологии, Института белка». Проектирование и строительство сооружений для академии Жданов считал целесообразным поручить строительным организациям, заканчивавшим в то время строительство здания МГУ на Ленинских горах, — Управлению по строительству Дворца Советов и Министерству внутренних дел СССР¹⁴. Относительно нормальные условия для академических институтов в Москве начали реально создаваться только после смерти Сталина.

Весной 1934 г. произошло и принципиальное изменение в организации международных научных связей. В принятом 7 мая 1934 г. постановлении Политбюро «О командировках за границу» всем народным комиссариатам, центральным и местным организациям запрещалась без санкций комиссии ЦК посылка за границу каких бы то ни было представителей и делегаций. Специальная комиссия ЦК была создана в составе: А.А.Жданов (председатель), В.И.Межлаук, Н.И.Ежов, Я.С.Агранов и А.Н.Поскребышев. После убийства С.М.Кирова и переезда А.А.Жданова на работу в Ленинград председателем комиссии стал заместитель председателя Комиссии партийного контроля, будущий нарком внутренних дел СССР Н.И.Ежов¹⁵.

Документы показывают, что в течение всей первой половины 30-х гг. вопрос о продлении командировок академикам В.Н.Ильину и А.Е.Чичибабину решался только на Политбюро (№ 81, 97, 154, 192). Его материалы позволяют проследить запрещения на выезд за границу академика А.Ф.Иоффе (№ 111), академика Н.И.Вавилова (№ 117), задержку для работы в СССР приехавшего из Англии в отпуск П.Л.Капицы и создание Института физических проблем АН СССР (№ 129, 134, 136, 161, 169, 194).

Публикуемые материалы в деталях позволяют проследить подготовку и проведение в СССР таких международных форумов, как Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Д.И.Менделеева (№ 92, 93, 115, 121—123, 126), XV Международный физиологический конгресс (№ 96, 137, 157, 158), XVII Международный геологический конгресс (№ 178, 191, 223, 225), а также воссоздать реальную картину борьбы вокруг несостоявшегося в Москве VII Международного генетического конгресса (№ 159, 180, 212, 218).

О свертывании международных научных связей Академии наук в 1930-е годы наглядно свидетельствует сравнение представленного Президиумом Академии наук СССР плана заграничных командировок на 1936 г. с реальным разрешением осуществить их. Из 12-ти предложений об участии в международных конгрессах и конференциях¹⁶ на Политбюро было вынесено обсуждение только одного из них — Международного математического конгресса в Осло. С ходатайством об участии в этом конгрессе наряду с АН СССР выступили Наркомпрос РСФСР и АН БССР. Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) поддержал эту просьбу, сократив делегацию втрое (с 29 до 10 участников). При рассмотрении этого вопроса на Политбюро на представлении заведующего этим отделом К.Баумана была начертана резолюция: «Против — Ст[алин]» (№ 203).

Углубляющееся влияние И.В.Сталина на все стороны жизни советского общества охватывает в 1934 г. и вопросы культуры и науки. В предшествующий период эти вопросы курировал В.М.Молотов. Постановлением Политбюро

ро от 4 июня 1934 г. о распределении обязанностей между секретарями ЦК было установлено, что на тов. Сталина возлагается наблюдение за работой 1) Культпропа, 2) Особого Сектора, 3) Политбюро ЦК¹⁷. По его предложению вопросы Культпропа поставлены даже на первое место. Это подтвердит Политбюро и 10 марта 1935 г., когда в его решении будет записано: «Наблюдение <...>, особенно за Отделом культуры и пропаганды, поручить т. Сталину»¹⁸. В структуре Культпропа создается и Отдел науки, научно-технических изобретений и открытий во главе с К.Я.Бауманом. Этот отдел прекратит свое существование в 1937 г. вместе с арестом его руководителя.

Значительные события в жизни Академии наук произошли в 1936 г. Прежде всего, скончались два гиганта отечественной науки, олицетворявшие ее выдающиеся свершения и общепризнанный вклад в развитие науки мировой и свято хранившие и защищавшие традиции русской науки, — 28 февраля первый российский лауреат Нобелевской премии академик И.П.Павлов и 15 июля первый выборный президент Академии академик А.П.Карпинский. Вопрос об их похоронах иувековечении памяти специально рассматривался на Политбюро (см. № 185, 186 и 205, 206).

20 июля 1936 г. были, наконец, выделены средства на закупку импортного оборудования для Академии наук (№ 208). А 22 ноября принято постановление об установлении с 1 января 1937 г. новых окладов для академиков, членов-корреспондентов и научных сотрудников академических учреждений. До этого зарплата научных работников Академии наук в два—три раза была меньше, чем ставки научных работников ведомственных научно-исследовательских институтов (№ 212). Следует заметить, что утверждение новых окладов произошло в тот же день, когда Политбюро наметило кандидатуру нового президента АН СССР академика В.Л.Комарова (№ 213).

Выборы В.Л.Комарова состоялись на Общем собрании Академии 28—29 декабря 1936 г., о ходе которого сохранилось «спецдонесение» соответствующего отдела НКВД, направленное Ежовым т. Сталину. Несмотря на «благоприятные результаты выборов», в нем отмечался и «ряд отрицательных откликов». Вот некоторые из них. Академик А.Н.Крылов: «Выборы прошли под давлением, и это после хваленой конституции». Академик П.П.Лазарев: «Когда же мы будем иметь возможность выбирать, ведь в этой «свободной» стране мы не можем даже намечать кандидатов, их намечают без нас, а мы только голосуем». Академик С.И.Вавилов: «Академик КОМАРОВ подходящая кандидатура для тех, кто его назначал. Для нас же был бы интересен академик КРЫЛОВ. Ведь вы знаете, какая это колоритная фигура, но ведь поэтому-то его и побоялись выставить, заменив бесцветной фигурой КОМАРОВА». Академик Н.Н.Семенов: «Большевики великолепные дрессировщики. Выдрессили таких львов, как КРЫЛОВА, ЧАПЛЫГИНА. Кричали, кричали о КОМАРОВЕ, а когда выбирать, то только два голоса были против»¹⁹.

Еще одним вопросом, обсуждавшимся на этом Общем собрании, был вопрос об исключении из состава действительных членов АН СССР академиков В.Н.Ипатьева и А.Е.Чичибабина. В отношении Чичибабина это было предрешено Политбюро еще в июне 1936 г. (№ 202). «Спецдонесение» констатировало «резкое недовольство фактом исключения этих академиков» и особенно речью сына Ипатьева, но против исключения проголосовал только академик Д.М.Петрушевский, а академики Каблуков, Зелинский, Обручев, Вернадский, Виноградов, Чаплыгин, Крылов воздержались. Академик Н.Д.Зелинский говорил в этой связи: «Подорваны все основы морали и человеческого достоинства. Сын выступает против отца. Из-за чего. Из-за того, что отец живет в другой стране. Неизвестно, кто еще больше любит Россию, ИПАТЬЕВ или те, кто голосуют за исключение. Тяжело, очень тяжело»²⁰.

Хотя «большой террор» коснулся и многих членов Академии, в протоколах Политбюро конкретных решений об арестах и расстрелах ученых после 1934 г. (см. № 108) нам обнаружить не удалось.

В конце 30-х годов произошел ряд заметных событий в жизни Академии наук, санкционированных постановлениями Политбюро, среди которых следует упомянуть ликвидацию Комиссии содействия ученым и передачу ее материальной базы в Академию наук (№ 233), упразднение партгруппы академиков при АН СССР (№ 236), восстановление Е.В.Тарле в звании действительного члена Академии (№ 237), утверждение новой структуры АН СССР и создание в ней восьми специализированных отделений (№ 239), утверждение комиссии по проведению академических выборов в 1939 г. (№ 241, 242) и т.д.

Назначение в мае 1941 г. И.В.Сталина председателем СНК СССР существенно сказалось на последующей деятельности Политбюро. В недавно вышедшей книге О.В.Хлевнюка «Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг.» выдвинуто даже положение, что в связи с этим Политбюро как регулярно действующий политический орган было фактически ликвидировано, и такое положение существовало до последних дней жизни Сталина²¹. Этот вывод является слишком категоричным. Конечно, в годы войны вся полнота государственной власти сосредотачивалась в Государственном Комитете Обороны. В сохранившихся протоколах Политбюро за военные годы зафиксированы, как правило, задним числом, постановления о награждении ученых, некоторые кадровые изменения, а по организации деятельности Академии за весь военный период были приняты лишь решения об организации Академии наук Армянской ССР — 29 октября 1943 г. (№ 273) и о недостатках в научной работе в области философии от 1 мая 1944 г. (№ 278). В 1943 г. в структуре Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был вновь создан Отдел науки, во главе которого до начала 1948 г. работал С.Г.Суворов, а затем его сменил Ю.А.Жданов.

5 мая 1945 г. Политбюро приняло постановление о приглашении зарубежных гостей на празднование 220-летия АН СССР (№ 285). Решениями Политбюро были оформлены и все награждения академиков и сотрудников Академии в связи с этим юбилеем (№ 287—300).

Вскоре после юбилейных торжеств произошли перевыборы президента Академии наук. В.Л.Комарова заставили написать просьбу об освобождении его от этой должности по болезни, и на Общем собрании АН СССР, состоявшемся 17 июля 1945 г., президентом Академии наук был избран академик С.И.Вавилов²². Интересно отметить, что в протоколах Политбюро нет решения об утверждении его в этой должности. Несмотря на это, С.И.Вавилов был первым президентом Академии, имевшим право непосредственного вхождения в Политбюро по вопросам ее деятельности и непосредственно информируемым о принимавшихся решениях.

Уже в 1946 г. произошло конкретное размежевание в деятельности Совета Министров СССР и Политбюро ЦК. Как председатель правительства, Сталин сохранил за собой руководство вопросами Специального комитета, Комитета радиолокации, Комитета реактивной техники, Особого комитета и Валютного комитета. В Политбюро под его руководством решались вопросы МИД, Министерства внешней торговли, Министерства государственной безопасности, Министерства вооруженных сил, вопросы денежного обращения, валютные вопросы²³.

В этом распределении обязанностей вопросы науки и деятельности Академии наук не предусматривались. Практически все конкретные научно-технические проблемы, связанные с созданием новой техники, к разрешению которых привлекались и сотрудники АН СССР, были сосредоточены в Совете Министров, и прежде всего в его Первом главном управлении (ПГУ), во главе

которого стоял Л.П.Берия. В Политбюро остались все вопросы, связанные с назначением руководства Академии наук, академическими выборами и международными научными связями. В первые послевоенные месяцы казалось, что в послевоенный период возможна широкая международная кооперация по всем основным направлениям науки. Однако перелом в международных отношениях, связанный с стремлением Советского Союза к обособлению страны от реальных процессов мирового развития и началом «холодной войны», не позволил осуществиться этим надеждам.

Политбюро по-прежнему внимательно следило за направлениями деятельности Академии наук, санкционировало изменения в ее руководстве, контролировало подготовку выборов. Но в послевоенный период пополнение состава Академии наук состоялось лишь в 1946 г. (№ 317, 318, 324). Хотя в начале 1950-х годов Политбюро и принимало соответствующее решение (№ 393, 403), но дновыборы членов Академии наук прошли лишь после смерти Сталина в сентябре 1953 г.

С выборами 1946 г. связан и эпизод, показывающий истинное, пренебрежительно-высокомерное отношение Сталина к Академии наук, почетным членом которой он числился с 1939 г. 11 сентября 1946 г. Политбюро утвердило решение о проведении Академией наук СССР очередных выборов действительных членов и членов-корреспондентов (№ 317). На завершающем этапе подготовки выборов группа академиков выдвинула предложение об избрании почетным членом АН СССР первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел В.М.Молотова. Но Молотов в это время находился в Нью-Йорке на сессии ООН, и добиться его согласия на выдвижение было весьма затруднительно. Тогда инициаторы этого предложения 12 ноября обратились к Сталину с просьбой о содействии в получении согласия Молотова. Stalin откликнулся на эту просьбу и 14 ноября 1946 г. отправил ему следующее послание:

«Академики Вавилов, Бруевич, Волгин, Лысенко и другие просят меня убедить тебя, чтобы ты не возражал против их предложения насчет избрания тебя почетным членом Академии наук СССР. Я поддерживаю академиков и прошу тебя дать согласие. И.Сталин»²⁴. Естественно, что Молотов, получивший это предложение от «вождя народов» и «корифея науки», не возражал.

2 декабря 1946 г. Общее собрание АН СССР избрало В.М.Молотова почетным академиком «за выдающиеся заслуги в развитии марксистско-ленинской науки об обществе, государстве и международных отношениях, за исключительные заслуги в деле строительства и укрепления советского государства»²⁵, о чем Молотову было послано соответствующее уведомление. А на следующем заседании президент Академии наук СССР С.И.Вавилов зачитал его ответную телеграмму:

«Приношу глубокую благодарность Академии наук и лично Вам за оказанную мне советскими учеными высокую честь — избрание меня почетным членом Академии наук СССР. Поставленные нашим великим вождем И.В.Сталиным задачи «превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» достойны ученых, путь которых вперед освещен светом учения марксизма-ленинизма и расчищен от пережитков прошлого великими завоеваниями нашей Советской Родины.

Служа своему народу, мы испытываем тем большее удовлетворение, что в теперешних условиях этим мы служим всему делу прогресса и лучшим целям науки.

Vash V.МОЛОТОВ».

На следующий день телеграмма Молотова была опубликована в «Правде» и прочитана Сталиным, находившимся на отдыхе в Сочи. В 11 часов утра 5 декабря он писал Молотову:

«Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве. Вероятно, ты будешь недоволен этой телеграммой, но я не могу поступить иначе, так как считаю себя обязанным сказать тебе правду, как я ее понимаю».

Потрясенный таким оборотом событий, «государственный деятель высшего типа», никогда не позволявший себе ни в чем возражать Сталину, направил в ответ:

«Твою телеграмму насчет моего ответа Академии наук получил. Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания.

За телеграмму спасибо. 5.XII.46 г. МОЛОТОВ»²⁶.

Практически весь послевоенный период, как свидетельствуют материалы Политбюро, основное внимание политического руководства страны было обращено на контроль за развитием международных контактов. Развернутая кампания борьбы за утверждение патриотизма и осуждение космополитизма привела к резкой переориентации международных научных связей. Политбюро санкционировало запрещение выпуска научных журналов на иностранных языках (№ 337), резко сократило поездки на международные съезды и в зарубежные командировки в страны Западной Европы и Америки, санкционировало исключение из числа иностранных членов АН ученых, выразивших несогласие с проводимой СССР политикой в области науки, утверждало переориентацию широких международных научных связей на взаимодействиеученных стран «социалистического лагеря». Более того, безудержное утверждение секретности и охрана государственной тайны привели к тому, что практически всем ученым было запрещено делиться как с западными коллегами, так и с учеными стран народной демократии, какими бы то ни было сведениями о ведущихся в СССР исследованиях. Выезжающие за рубеж могли информировать своих иностранных коллег только о том, что уже опубликовано в открытой печати. Это, естественно, резко снизило интерес к ведущимся исследованиям и обострило шпиономанию с обеих сторон.

Публикуемые документы показывают, что научные дискуссии, проводившиеся в стране в конце 40-х — начале 50-х годов, были не столько противоборством различных группировок ученых, сколько целенаправленными акциями, проводившимися по инициативе и под контролем центрального органа партии (№ 330, 355—357, 365, 406).

Не довольствуясь постоянным контролем центральных и местных партийных органов над деятельностью научных учреждений и взглядами ученых, в конце 40-х годов была найдена организационная форма прямого вторжения партийно-правительственных структур и их особо доверенных лиц из числа ученых во все сферы академической жизни. Таким органом стал Ученый секретариат Президиума Академии наук СССР, решение о создании которого было принято Политбюро 11 марта 1949 г. (№ 372). Оно же утвердило внесение в этой связи изменений в Устав Академии наук СССР (№ 374), рекомендовало назначенного главным ученым секретарем А.В.Топчиева для внеочередного избрания в действительные члены АН СССР (№ 375), утвердило 19 декабря 1949 г. положение об Ученом секретариате и расширило число ученых секретарей с 5 до 11 человек (№ 389), затем их число было увеличено до 14. В число ученых секретарей Президиума Академии наук СССР с момента его

создания до 31 мая 1952 г. входил и заведующий Отделом науки ЦК Ю.А.Жданов (№ 372, 476).

Создание и расширение деятельности Ученого секретариата нанесло серьезный урон демократическим традициям жизни и деятельности Академии наук. «Академики все больше и больше отстраняются от участия в решении существенных вопросов научной и организационной деятельности Академии», — писал в декабре 1952 г. Сталину академик В.С.Кулебакин²⁷. Ему вторил академик И.И.Артоболевский, который писал 29 января 1953 г. Сталину: «Стиль работы Главного ученого секретаря Президиума А.В.Топчиева, считающего себя единоличным, как в области науки, так и идеологии, руководителем Академии, воспринят и подчиненными ему учеными секретарями»²⁸.

Для усиления идеологической работы в стране 29 декабря 1950 г. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был разделен на 4 отдела, и среди них самостоятельной структурной частью Центрального Комитета партии стал Отдел науки и высших учебных заведений во главе с Ю.А.Ждановым²⁹.

Возросшее внимание Сталина к вопросам развития науки, его участие в организации философской дискуссии, сессии ВАСХНИЛ, научной сессии, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П.Павлова, непосредственные выступления по вопросам языкоznания и экономической науки потребовали от партийного аппарата неусыпного внимания к пропаганде провозглашенных воззрений, внедрению их в практическую деятельность научных учреждений и высшей школы, как единственно верных достижений передовой советской науки. Это привело к тому, что по предложению «корифея науки» постановлением Политбюро от 3 июля 1952 г. на базе Отдела науки было создано три самостоятельных отдела ЦК партии, построенных по отраслевому принципу, — Отдел естественных и технических наук и вузов, Отдел философских и правовых наук и вузов и Отдел экономических и исторических наук и вузов (№ 477). Они бесплодно просуществовали всего восемь месяцев, до смерти их организатора. Сразу же после его похорон размножившиеся отделы были объединены в единый Отдел науки и культуры, распущен Ученый секретариат Президиума Академии наук СССР и отстранен от работы Ю.А.Жданов. В июне 1954 г. Ученый секретариат Президиума Академии наук СССР будет восстановлен. Лишенный контрольных функций, он станет органом оперативного управления научно-организационной деятельностью Академии наук.

В октябре 1952 г. по решению XIX съезда КПСС Политбюро ЦК было преобразовано в Президиум ЦК КПСС. Материалы Президиума ЦК и его бюро, находящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) и Архиве Президента РФ, еще не рассекречены, доступ к ним исследователей весьма затруднен, и они не представлены в настоящей публикации. В ходе собеседований и консультаций с руководством РГАНИ и научными сотрудниками архива, а также просмотром материалов в АП РФ удалось установить, что каких-либо принципиальных решений об Академии наук в последние месяцы сталинского правления нет. Имеются несколько протокольных постановлений о приеме китайских ученых, о поездках сотрудников АН СССР в Польшу, Румынию и Чехословакию, а также был рассмотрен вопрос о недостатках в хозяйственной деятельности Управления делами Президиума Академии наук. В результате проверки были выявлены излишества в расходовании государственных средств, недостатки в распределении жилищной площади и дач, в автохозяйстве Академии и неудовлетворительное состояние подбора кадров в хозяйственных учреждениях АН СССР. На нарушителей наложены дисциплинарные взыскания³⁰.

Подробнее материалы Президиума ЦК КПСС и восстановленного в апреле 1966 г. решением XXIII съезда КПСС Политбюро ЦК будут представлены в следующих томах.

* * *

В основу настоящей публикации положен сквозной просмотр протоколов Политбюро, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории — РГАСПИ (бывшем РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 3. Учитывая, что все протоколы хранятся в одной описи одного фонда, в легендах под текстом каждого постановления отмечается сначала номер протокола и пункт, под которым оно включено в протокол, а затем указываются номера архивного дела и листов, где оно хранится.

Постановления Политбюро расположены по датам в порядке их рассмотрения. Следует иметь в виду, что нумерация протоколов не валовая, а велась по созывам Политбюро от съезда к съезду. Приведенные протоколы были решениями Политбюро XI, XIII—XVIII созывов, избиравшихся на Пленумах ЦК после XI (апрель 1922 г.), XIII (май 1924 г.), XIV (декабрь 1925 г.), XV (декабрь 1927 г.), XVI (июль 1930 г.), XVII (февраль 1934 г.), XVIII (апрель 1939 г.) съездов ВКП(б) и до XIX (октябрь 1952 г.) съезда КПСС. В некоторых протоколах (в скобках после формулировки вопроса) указаны фамилии докладчиков при обсуждении проблемы, а также участников ее обсуждения на заседаниях Политбюро или инициаторов постановки вопроса.

Все протоколы Политбюро выходили под грифом «совершенно секретно». Этот же гриф имели большинство постановлений, включавшихся в них, а также размноженные выписки из протоколов. Ряд решений Политбюро имел гриф высшей формы секретности — «особая папка» и фиксировался в особом протоколе заседаний Политбюро. Эти особые протоколы находятся на специальном хранении — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. В настоящее время идет процесс их рассекречивания, что позволило составителям включить в настоящую публикацию целый ряд подобных решений, в названиях которых упоминалась Академия наук. Этому содействовало и то, что в тематических подборках Архива Президента РФ выписки из протоколов Политбюро приводятся в хронологической последовательности вне зависимости от их оформления в обычных или особых протоколах.

Все названия публикуемых документов полностью соответствуют их формулировкам в протоколах Политбюро. Учитывая частое повторение однообразных названий обсуждавшихся вопросов, зафиксированных в протоколах, — «Об Академии наук», «Вопрос Академии наук СССР», — составители сочли необходимым в «Перечне опубликованных постановлений Политбюро ЦК» после воспроизведения подобных названий в круглых скобках раскрыть содержание обсуждавшегося вопроса.

Значительная часть публикуемых постановлений — это решения Оргбюро и Секретариата ЦК, представленные на утверждение Политбюро или рассмотренные по его поручениям. Документация Оргбюро и Секретариата в РГАСПИ доступна в более полном объеме, чем материалы Политбюро. Это позволило использовать подготовительные материалы к их решениям, вносившимся на утверждение Политбюро (Ф. 17. Оп. 113—119).

В публикацию включены не только тексты постановлений, посвященные непосредственно Академии наук, деятельности ее действительных членов, членов-корреспондентов и научных сотрудников, но и те решения Политбюро, в тексте которых содержались упоминания об Академии и ее работниках.

Особо следует сказать о постановлениях по награждениям членов Академии и ее сотрудников. Их весьма значительное количество. Публикация решений об утверждении указов о награждении с представлениями Президиума АН СССР и заключений отделов ЦК резко увеличивала бы и так большой объем публикации. Составители включили в нее лишь первые рассмотренные Политбюро решения о награждении ученых — академика В.Р.Вильямса (№ 131) и академика Л.В.Писаржевского (№ 145) и утверждения указов о присвоении звания Героя Социалистического Труда, а также о награждении научных коллективов, отказавшихся от публикации утверждений персональных наград и приводя только те из них, в которых одновременно принимается решение об увековечивании заслуг деятелей науки.

Весной 1996 г. на государственное хранение были переданы подлинники протоколов Политбюро — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Это позволило проследить механизм принятия решений, учесть редакционные изменения при формулировании постановлений, выявить визирования каждого из принятых решений членами Политбюро и определить круг лиц, ответственных за выполнение каждого постановления. К значительному количеству подлинных протоколов были приложены исходные материалы, послужившие основой для принятия решения и позволившие показать как инициаторов внесения на обсуждение в Политбюро конкретных вопросов, так и те документы, в которых было отражено выполнение постановлений Политбюро. Это позволяет проследить механизм принятия решений

Данная публикация была бы неполной без включения в нее материалов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ). Составителям была предоставлена возможность познакомиться и использовать тематические подборки материалов по Академии наук СССР. Следует заметить, что некоторая часть этих материалов находится еще в стадии рассекречивания и пока недоступна исследователям.

В целом для абсолютного большинства (до 80%) постановлений удалось выявить как исходные материалы, так и документы, отражающие результаты выполнения принятых решений. Это позволило включить в публикацию обширный материал по всем принципиальным вопросам деятельности Академии наук: о переименовании Российской Академии наук в Академию наук СССР, об изменениях ее устава, о проведении сессий и общих собраний, академических выборов, об организации «академического дела», переводе Академии наук из Ленинграда в Москву, ликвидации Коммунистической академии и переводе ее учреждений в состав АН СССР, о юбилеях Академии и научных учреждений, создании новых институтов и академических филиалов по стране, материальном и бытовом обслуживании работников науки, увековечивании памяти ученых, о приезде в СССР иностранных ученых, участии советских ученых в международных конгрессах и конференциях и поездках за границу, о проведении международных конгрессов в СССР. Составителям удалось выявить и включить в публикацию два постановления Политбюро ЦК, не включавшихся в протокол. Это решения о строительстве дач для академиков (№ 195) и об отпуске денег академику Н.М.Крылову на лечение (№ 220).

Абсолютное большинство материалов публикуется впервые и послужит источником для объективного освещения истории Академии наук за освещаемый период.

Политбюро ЦК было теснейшим образом связано с Советом Народных Комиссаров (Советом Министров) СССР, все председатели которого — А.И.Рыков, В.М.Молотов и И.В.Сталин — были активнейшими членами Политбюро и выступали инициаторами вынесения на его обсуждение многих принципиальных для деятельности Академии наук вопросов, и именно через Совнарком (Совмин) СССР проводились в жизнь, в силу ведомственной под-

чиненности Академии наук, большинство принятых постановлений Политбюро. Оно контролировало и деятельность ЦИК (Верховного Совета) СССР, утверждая все указы о награждении ученых, а также санкционируя принятие ряда разработанных в нем или в Ученом комитете ЦИК СССР проектов постановлений. Руководители этих высших государственных органов (или их заместители) завизировали абсолютное большинство принимавшихся постановлений Политбюро. Настоящая публикация явится и важнейшим источником для разработки многих проблем государственного руководства наукой в СССР.

Все выявленные постановления Политбюро расположены в хронологическом порядке, нумерация их сплошная. В материалах, приложенных к ним, хронология может быть нарушена, ибо при компоновке исходных документов предпочтение отдавалось тем из них, которые непосредственно легли в основу принятого постановления.

При публикации документов составители стремились как можно полнее сохранить их характерные черты, включая внешнее оформление документа, орфографию, применение строчных и прописных букв и т.п. Авторские подчеркивания воспроизведены в публикации, а подчеркнутое дважды выделено полужирным шрифтом.

Публикация решений Политбюро и материалов к ним дополнена примечаниями, списком встречающихся сокращений, именным указателем и перечнем опубликованных постановлений Политбюро ЦК.

Составители выражают глубокую признательность всем, кто содействовал им в подготовке настоящей работы, и прежде всего Юрию Николаевичу Аминантову, Ирине Анатольевне Кондаковой, Игорю Викторовичу Миловидову и Татьяне Федоровне Павловой.

Доктор исторических наук
В.Д.Есаков

¹ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1 — Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993; Вып. 2 — Дело по обвинению академика Е.В.Тарле. Ч. 1—2. СПб., 1998; «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109—140; «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как началось «дело Академии наук» // Источник. 1997. № 3. С. 105—126; № 4. С. 103—119; Есаков В.Д. Почему П.Л.Капица стал невыездным // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 543—553; Есаков В.Д. Штаб советской науки меняет адрес // Вестник РАН. 1997. № 9. С. 840—848; Академия наук СССР и ЦК ВКП(б). 1927—1930 гг. / Публикация М.В.Зеленова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 123—141.

² Отчет о деятельности РАН в 1917 г. Пг., 1918. С. 5.

³ Материалы по истории Академии наук СССР, 1917—1925 гг. Л., 1986. С. 29.

⁴ Ленин и Академия наук. Сборник документов. М., 1969. С. 61.

⁵ Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 65—78.

⁶ Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. Основные направления государственного руководства наукой. М., 1971. С. 177—193.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ См.: Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 130—141, 192—193.

⁹ Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 129. Л. 71.

¹⁰ Там же. Л. 67.

¹¹ Там же. Л. 70.

¹² Там же. Л. 72.

¹³ Есаков В.Д. Штаб советской науки меняет адрес // Вестник Российской академии наук. 1997. № 9. С. 840—848.

¹⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 139. Л. 18—19.

¹⁵ Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сборник документов. М.: АИРО—ХХ, 1995. С. 70—71.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1—1936. Д. 149. Л. 2—8.

¹⁷ Там же. Л. 141.

¹⁸ Там же. Л. 143.

¹⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 123. Л. 127—128.

²⁰ Там же. Л. 129—130.

²¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 266.

²² Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 306—307.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1063. Л. 32.

²⁴ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 125. Л. 54.

²⁵ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы. С. 328.

²⁶ Гласность. 1991. № 43. 24—30 октября. С. 7.

²⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 132. Л. 64.

²⁸ Там же. Л. 59—60.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1088. Л. 84.

³⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 132. Л. 46—47.

Постановления Политбюро ЦК и материалы к ним